

Взгляд Юй Цзэчжоу на мгновение замер на свитке, неподвижно приковав к нему всё внимание.

Управляющий У, разумеется, прекрасно понимал, что означает этот взгляд.

Разве все те красавицы в задних покоях Юй Цзэчжоу не оказались там точно таким же образом?

Только вот...

Сун Яцын в конце концов был сыном Сун Юньшаня...

Управляющий У уже мысленно соображал, как бы половчее обстряпать это дело, как вдруг услышал голос Юй Цзэчжоу:

— Разогнать всю эту посредственную и заурядную массовку из задних покоев.

— А? — голос управляющего У от предельного напряжения сорвался на дюжину фальцетов. — Ваша Светлость, ни в коем случае нельзя! Сун Юньшань — человек далеко не мягкотелый.

Юй Цзэчжоу весело рассмеялся:

— Разве от этого не станет только лучше? Мало того что удастся привлечь на свою сторону Сун Юньшань, так еще и до смерти разозлить Чу Тунчжоу! Просто прекрасное дело, приносящее выгоду на всех фронтах!

— Но... это... — разве это могло быть хорошим делом?

У управляющего У нашлось бы немало причин для возражений, но Юй Цзэчжоу сейчас пребывал в самом воодушевленном настроении, и портить хозяину кураж было никак нельзя...

Свиток мгновенно стал главной драгоценностью Юй Цзэчжоу; он даже потерял всякий интерес к тому, чтобы вертеть в руках недавно добытый теплый нефрит, и время от времени любовно оглаживал пальцами нарисованное лицо красавца.

Управляющий У внезапно вспомнил о том, кто создал эту картину:

— Ваша Светлость, раз уж всех обитателей задних покоев собираются распустить, там остается еще кое-кто. Как поступить с Чэнь Сэньданем? Разве Ваша Светлость не отдавал ранее особое распоряжение держать его при себе в качестве личного слуги, растирающего тушь и подающего чай?

По счастливой или несчастливой случайности, Чэнь Сэньдань, тихо и мирно исполнявший обязанности евнуха во внутренних покоях дворца, совершенно неожиданно столкнулся с Юй Цзэчжоу.

Юй Цзэчжоу изначально намеревался забрать Чэнь Сэньданя в задние покои на роль фаворита-мужчины, однако тот, уповая на собственную красоту, вздумал ставить свои условия.

Великодушный Юй Цзэчжоу дал Чэнь Сэньданю шанс проявить себя в роли подчиненного, но тот, очевидно, с этой задачей не справился...

По идее, ему было уже не избежать участи оказаться в задних покоях.

Но Юй Цзэчжоу выглядел так, будто напрочь забыл о существовании этого человека, и лишь бросил:

— Он-то? Бесполезный и скучный евнух, поступай с ним как знаешь.

— ...Этот слуга понял.

Перед тем как управляющий У удалился, Юй Цзэчжоу отдал еще одно распоряжение:

— Отыщи тот лук божественной мощи, что достался мне много лет назад. На охоту через несколько дней я обязательно отправлюсь, и во что бы то ни стало должен одержать победу.

А Сун Яцын, находившийся далеко в поместье Сун, тем временем принялся подряд чихать.

Среди бела дня это чуть до смерти не испугало Му Ли, который без промедления бросился варить для Сун Яцын миску лекарства.

И нельзя было винить Му Ли излишней нервозности: недуг Сун Яцын то затихал, то возвращался, и состояние лишь с огромным трудом удалось стабилизировать, так что оплошностей допускать было нельзя.

Му Ли завел с молодым господином разговор о сегодняшних мирских новостях:

— Помимо Чу Тунчжоу, в поместье заглядывали также второй и третий молодые господа из клана Чу. Говорят, голос третьего из них так до сих пор и не восстановился.

Сун Яцын холодно усмехнулся:

— Так ему и надо, кто просил его языком трепать обо мне.

— И правда, поделом. Помимо этого дела, мне удалось разыскать для молодого господина кое-что об источнике стрелы. Стрелы всех аристократов в столице — это по большей части двуперые наконечники, обладающие меньшей убойной силой. А тот наконечник принадлежит к трехперым, которые наносят куда более тяжелые раны. Если не считать арсенала военного ведомства, где хранятся трехперые стрелы, открыто ими владеет разве что императорская стража...

Му Ли говорил так, разумеется, с умыслом — желая еще сильнее столкнуть лбами Чу Тунчжоу и Сун Яцын...

Однако Сун Яцын даже не задумываясь отбросил версию о Чу Тунчжоу.

— Это никак не могла быть императорская стража, тут замешано исключительно военное ведомство. Но ни Сун Юньшань, ни я никогда никому из военных не переходили дорогу...

Му Ли вовсе не удивился, заметив это, ведь он прекрасно знал о прежних близких отношениях своего господина с Чу Тунчжоу.

— Молодой господин, я тут навел справки: Пэй Сыцзюэ приходится соучеником нынешнему левому вице-министру военного ведомства. Раз уж они соученики, их отношения должны быть...

Сун Яцын мгновенно выцелил главную цель:

— Это всё проделки Пэй Сыцзюэ! Какая же он мелочная мегера, неужели только из-за того, что я разок прищемил ему хвост при всех, он решился палить по мне из лука... Ну погоди у меня! Разве он не дорожит своей репутацией? Так я непременно устрою ему публичный позор, заставлю его рыдать и умолять меня о пощаде!

Сун Яцын бросал слова на ветер не ради красного словца — он действительно собирался довести дело до конца.

Му Ли прекрасно это понимал и уже начал обдумывать для своего господина подходящий момент для мести.

— Через семь дней состоится императорская охота. Местом проведения выбрана густая чаща, и тогда, стоит лишь выбрать подходящий момент, Пэй Сыцзюэ окажется в одиночестве. А я спрячусь в засаде и изображу дикого зверя — уж поверьте, у меня получится довести Пэй Сыцзюэ до слез.

Подобных фокусов Му Ли в Цинчжоу проворачивал немало, и это можно было назвать не просто делом привычным, а набившим оскомину.

Выслушав его, Сун Яцын удовлетворенно кивнул:

— Так и сделаем!

Пусть этот трюк и отдавал детской наивностью, но Пэй Сыцзюэ в конце концов был изнеженным книжником; даже если не удастся заставить его реветь белугой, сердце у него точно уйдет в пятки.

Завершив разработку плана мести, Сун Яцын решил попутно разобраться с еще одним важным делом.

— Му Ли, захвати нефритовый браслет в золотой оправе, да приготовь карету, я намерен нанести визит в павильон Встречи Весны.

Му Ли кивнул и поднялся, чтобы всё подготовить.

Повернувшись же, он намеренно отдал распоряжение служанке, которую Пэй Сыцзюэ приставил к двору Сун Яцын, пойти и забрать тот самый нефритовый браслет в золотой оправе.

— Инон, ступай заberi из кладовой нефритовый браслет в золотой оправе. Этот браслет предназначен для госпожи Сюэ Жун из павильона Встречи Весны. В последнее время молодой господин больше всего дорожит госпожой Сюэ Жун, так что будь аккуратней, когда станешь брать браслет, смотри не повреди.

Завершив эту тираду с видом «крайне осторожного и преданного» слуги, Му Ли со спокойной совестью удалился.

В глазах Му Ли Пэй Сыцзюэ, разумеется, тоже не был пай-мальчиком.

Замысел Му Ли Пэй Сыцзюэ прекрасно раскусил.

Когда служанка пересказала ему слова управляющего, Пэй Сыцзюэ лишь горько усмехнулся.

Инон вся дрожала, совершенно не понимая, почему Пэй Сыцзюэ вдруг улыбается.

Хотя на людях Пэй Сыцзюэ всегда держался безупречным благородным мужем, служанка неизменно находила его ужасающим.

В конце концов, ни один нормальный человек не стал бы пускать на самотек ожог на тыльной стороне ладони, позволяя ему гноиться...

Пэй Сыцзюэ нарочно оставлял эту рану незаживающей, чтобы она служила ему напоминанием.

Он действительно питал слабость к Сун Яцын, но ни в коем случае не должен был калечить собственный организм ради него, и уж тем более — униженно вымаливать его расположение.

Служанка робко поинтересовалась:

— В-ваша светлость, так, значит, нам больше не нужно преграждать путь молодому господину Суну?

Пэй Сыцзюэ тут же нахмурился:

— Не преграждать ему путь? Разве можно пускать на самотек его безумства?!

Служанка: А?

Сообразив, что именно он только что выпалил, Пэй Сыцзюэ помрачнел лицом, но, снедаемый внутренним противоречием, продолжал сыпать словами наотмашь, торопливо и резко.

Словно стоило ему замедлить хоть немного — и какая-то чересчур ретивая птица тотчас упорхнет за пределы стен поместья Сун.

— Главные ворота, боковые калитки, низкие стены и даже собачий лаз — всё держать под строгим надзором, никому не позволять покидать пределы поместья.

— ...Понимаю.

<http://bllate.org/book/18795/1826384>